

А Цзун Цзы, главный герой этого мира, по-прежнему сохранял вид человека, которому всё глубоко безразлично.

Тань Цзиньсюэ, стоя позади, услышала знакомое имя и нахмурилась.

Цзун Цзы...

Почему снова он?!

Взглянув на брендовую одежду главного героя и его высокомерный вид, словно он был пупом земли, а все остальные не имели права посягать на его комфорт, Тань Цзиньсюэ пришла к выводу, что это шоу действительно необходимо.

Герой предыдущего мира застрял в амплу властного генерального директора, что было невыносимо. Этот же, хоть и не вызывал симпатии, был хотя бы молод.

— Его еще можно спасти.

В оригинальном сюжете тот самый главный герой, который помогал Цзян Сюань, любил и уважал её, сейчас был лишь подростком с юношеским максимализмом. С таким петушиным задором он вряд ли мог привлечь внимание Цзян Сюань.

Хотя сестра была еще юна, её запросы и проницательность были на высоте.

Наблюдая за Цзян Сюань в последние дни, Тань Цзиньсюэ поняла, что эта девушка невероятно умна.

Было бы печально, если бы она, подобно героине прошлого мира, погрязла в любовных страданиях.

Женщины часто говорят, что в этом мире трудно найти искреннюю любовь, но куда важнее найти независимый, свободный и сильный дух.

У Цзян Сюань был потенциал стать сильной личностью, и Тань Цзиньсюэ хотела ей помочь.

Еще раз взглянув на Цзун Цзы, Тань Цзиньсюэ поняла, что его спокойствие — лишь маска. Вероятно, он просто копил силы для решающего удара.

Действительно, подросток заговорил:

— В соглашении, которое мы подписывали, не было сказано об ограничении нашей личной свободы, — он сделал паузу и добавил холодным, высокомерным тоном: — Ваше опоздание — не наша вина.

— Если так называемое Преображение заключается в том, чтобы страдать в подобных местах, я не вижу в этом никакого смысла.

Он выглядел так, словно говорил: Смертные, расступитесь, я уйду домой.

Кан Боюй, опешивший от дерзости Цзун Цзы, вытаращил глаза:

— В соглашении также сказано, что вы должны участвовать в съемках по графику съемочной группы! Знаешь, как называется такое поведение? Дезертирство!

Цзун Цзы сделал шаг вперед, явно разозленный тоном Кана.

Он уже набрал в легкие воздуха, готовясь выпалить порцию язвительных оскорблений, как вдруг увидел, что мимо него прошел высокий худощавый подросток со смуглой кожей. Тот подошел к вещам Си Чжэна и подхватил его чемодан.

— Если не вернетесь сейчас, пропустите обед.

— Ты кто такой? — Цзун Цзы подошел и схватился за другую сторону чемодана, холодно спросив.

Тань Цзиньсюэ остановилась.

Если Цзун Цзы в обличье генерального директора из прошлого мира еще мог заставить Тань Цзиньсюэ отнестись к нему с долей серьезности, то нынешний подросток-максималист явно не тянул на серьезного противника.

Она кивнула парню и официально произнесла:

— Привет, одноклассник. Я Тань Цзиньсюэ, ученица 11-го класса школы Дажуншу, — добавила она серьезно: — А жить вы будете у меня дома.

Цзун Цзы окинул её оценивающим взглядом с ног до головы:

— Ты не считаешь, что я дезертир?

Тань Цзиньсюэ на мгновение замерла, но тут же на её строгом лице промелькнула улыбка:

— Дезертирами называют тех, кто уже прибыл на поле боя.

— Ты даже до дезертирства не дотягиваешь.

Цзун Цзы опешил, а затем высокомерно вскинул подбородок:

— Думаешь, я боюсь трудностей?! Я просто считаю, что всё это бессмысленно!

Тань Цзиньсюэ взглянула на него:

— Мне кажется, ты просто ищешь оправдание собственной изнеженности.

Шестнадцатилетний парень, не привыкший к таким колкостям, рванулся к ней, сжав кулаки.

Тань Цзиньсюэ стояла неподвижно, не сводя с него глаз.

Кулак Цзун Цзы с силой опустился, но замер в нескольких миллиметрах от носа Тань Цзиньсюэ. На его лице появилось выражение крайнего бешенства.

— Хочешь, чтобы я сломал тебе нос?

— Цзун Цзы, ты... не надо... — пухлый Си Чжэн, увидев, что назревает драка, начал потеть от страха и бросился разнимать их.

Цзун Цзы свирепо смотрел на Тань Цзиньсюэ. В свои неполные семнадцать он выглядел так, будто готов был разорвать противника в клочья.

Си Чжэн, испугавшись его ярости, тут же тихо отступил.

Его прежнее спокойствие было лишь ширмой — он был как красивый воздушный шар, который лопается с громким звуком от малейшего прикосновения иглы.

Кан Боюй, напротив, немного успокоился. Он обернулся и увидел, что оператор Лю уже давно направил камеру на троицу.

Хорошо, старый лис, не нужно было даже напоминать, что именно стоит снимать.

Реалити-шоу в конечном итоге держится на искренности, способной привлечь зрителя. Нет ничего более захватывающего, чем подобные открытые конфликты. Даже Кан Боюй с любопытством наблюдал за развитием событий.

Но реакция Тань Цзиньсюэ превзошла все ожидания.

Она внезапно рассмеялась.

У смуглого подростка были длинные руки и ноги, обычно он молчал и выглядел до крайности серьезным, но когда он улыбнулся, от него вдруг повеяло совершенно иным обаянием.

Если не обращать внимания на простую одежду и загорелое, вспотевшее лицо, он был очень красив.

Кан Боюй замер. Си Чжэн замер. Даже Цзун Цзы замер.

Все смотрели на то, как деревенский паренек искренне смеется.

— Ты не посмеешь меня ударить, ты боишься трудностей, и ты думаешь, что я тебя испугаюсь?

Цзун Цзы стиснул зубы. Слова были слишком обидными. Он хотел разбить это улыбающееся лицо, чтобы почувствовать вкус крови, но гнев, закипавший внутри, словно наткнулся на преграду. Он застрял в груди, не находя выхода.

Как сдувшийся мяч, он опустил руки.

[Никто не ожидал, что этот молчаливый парень из бедной семьи одной фразой заставит Цзун Цзы отступить. Его понимание тяжелого труда, возможно, превосходит наше собственное. Цзун Цзы и Си Чжэн, словно проигравшие петухи, вернулись с группой в деревню Лянтянь. Что ждет их дальше?]

[Преображение, 39-й сезон, 1-я серия]

Еженедельное шоу снималось по ходу эфира, а перед каждой серией выпускались небольшие фрагменты.

Как только этот отрывок вышел, он набрал более двухсот тысяч просмотров на официальном сайте программы.

За три дня до выхода этого фрагмента.

Цзун Цзы и Си Чжэн, городские трудные подростки, после нескольких часов тряски в машине прибыли в свой новый дом на ближайшие три месяца.

Был уже вечер, сгущались сумерки. Над крышами домов поднимался дым, смешиваясь с багровым закатом и пепельно-серым небом — зрелище, редкое для города.

Цзун Цзы сдержанно огляделся, не выражая открытого отвращения к глуши, в то время как Си Чжэн, измученный укачиванием и голодом, выглядел совсем поникшим и всю дорогу молчал.

Этот пухлый паренек познакомился с Цзун Цзы в автобусе и через пару минут уже смотрел ему в рот. Когда Цзун Цзы предложил сбежать обратно в город, он согласился, не раздумывая, даже чемоданы тащил в одиночку.

Однако вежливое любопытство гостей из города быстро улетучилось.

Они были шокированы нищетой своего нового дома.

У двора не было нормальных ворот, лишь хлипкий плетень. Вместо плитки во дворе была утрамбованная голая земля.

Три ветхие лачуги с окнами, сквозь которые гулял ветер. Под навесом висели связки сушеного мяса и перца.

Всё, что попадалось на глаза, стоило явно меньше сотни юаней.

Цзун Цзы споткнулся о порог и, проявив чудеса ловкости, ухватился за плетень, чтобы не растянуться на земле перед камерами.

Си Чжэну повезло меньше. Его и без того ватные ноги подкосились, и он кубарем влетел во двор. Цзун Цзы попытался его подхватить, но было поздно — паренек влетел прямо в курятник, подняв облако пыли и перьев.

— Ой-ой-ой...

Си Чжэн, кряхтя, перевернулся на спину и решил, что вставать нет сил.

Он был голоден, его мутило, всё тело болело, а на лице читалось такое вселенское горе, что хотелось только одного — домой.

Цзун Цзы разжал пальцы и обнаружил, что ладонь исцарапана в кровь о плетень.

Он сердито фыркнул, подавляя боль, и, взглянув на валяющегося Си Чжэна, пробормотал:

— Неудачник.

— Ку-ка-ре-ку!

Громкий крик петуха заставил парней вздрогнуть.

Огромный черный петух с ярко-красным гребнем на невероятной скорости бросился на Си Чжэна.

Тот, увидев опасность, кубарем откатился в сторону, и петух тут же сменил цель, атакуя Цзун Цзы.

— Ку-ка-ре-ку!

Боевой петух даже подпрыгнул, клюнув Цзун Цзы в руку.

Клюв был твердым, как камень.

Это был первый раз, когда Тань Цзиньсюэ увидела, как Цзун Цзы пустил слезу.

Глава 23

— Ты плачешь?! — выпалила Тань Цзиньсюэ.

Она была настолько поражена двумя слезинками, что чуть не бросилась к нему.

Петух, добившись своего, хотел было клюнуть снова, но Тань Цзиньсюэ отогнала его, и птица гордо зашагала к курам, демонстрируя свой хвост.

Цзун Цзы схватился здоровой рукой за укушенную кисть, сделал глубокий вдох и быстро вытер лицо.

— Нет! — отрезал он.

Хотя голос его предательски дрожал.

Тань Цзиньсюэ не удержалась от улыбки. Она взглянула на руку подростка — кожа покраснела.

— Кожа цела? Если содрал, принесу пластырь.

Цзун Цзы снова ответил тем же тоном, демонстративно грубо:

— Нет!

Тань Цзиньсюэ развернулась и пошла в дом, по пути подняв с земли перепачканного в пыли Си Чжэна.

Цзян Сюань стояла под навесом, наблюдая за суматохой. Посмотрев на подошедшую Тань Цзиньсюэ, она сухо произнесла:

— Мама приготовила ужин, зови их есть.

Тань Цзиньсюэ кивнула и, не обращая внимания на холодность Цзян Сюань, обернулась к пухлому парню:

— Мойте руки и идем ужинать.

Цзун Цзы поплелся следом.

Си Чжэн, не осознававший масштаб произошедшей трагедии, услышав про еду, радостно побежал в дом.

— Я не плакал. У меня просто повышенная чувствительность к боли, — пробормотал подросток, а потом, поняв, как глупо это звучит, сердито зыркнул на Тань Цзиньсюэ: — Всё равно ты не

поймешь!

Он сердито вошел в дом.

Тань Цзиньсюэ приподняла бровь.

От пафосного генерального директора до капризного плаксы — образ главного героя претерпел серьезные изменения.

В оригинальной истории он превращался из подростка-максималиста в зрелого мужчину, но она не помнила, чтобы там была сцена, где он плачет из-за укуса курицы!

Ужин готовила сама Цзян Сюхуа.

Лепешки, четыре блюда: яичница с луком, жареная капуста, тушеный тофу с капустой и суп из тофу.

Цзян Сюань не садилась за стол, стоя в углу комнаты и глядя на дымящуюся еду.

Кроме праздников, в их доме редко бывало такое изобилие.

Рис и муку обычно смешивали с грубыми злаками, а готовить четыре блюда сразу было верхом роскоши. Яйца обычно копили, чтобы продать на рынке. Тань Цзиньсюэ и Цзян Сюань получали по вареному яйцу, только если занимали первое место в школе, а сама Цзян Сюхуа их не ела вовсе.

— А-Сюэ, Сяо Сюань, садитесь есть, — Цзян Сюхуа радушно пригласила городских ребят, а затем обратилась к своим детям.

В свете лампы городские подростки выглядели нежными и ухоженными, их кожа была светлее, чем у её собственных детей, и Цзян Сюхуа почувствовала укол в сердце. Видя, что её дети всё ещё стоят, она лично положила им по куску лепешки.

Всего было девять лепешек. Трем парням, которые росли, полагалось по две с половиной штуки, Цзян Сюань — одна, а Цзян Сюхуа съела бы половину.

Лепешки резали на четыре части, чтобы их было удобнее есть.

Но городские ребята не оценили её стараний.

Си Чжэн смотрел на свою порцию с недоумением. Он никогда не просил ничего настолько сухого и безвкусного. В лепешке почти не было масла, она была жесткой, и ему пришлось приложить усилия, чтобы откусить кусочек.

Лицо пухляша скривилось.

Цзун Цзы, заметив это, понял, что дело плохо, но, увидев, с каким аппетитом едят Тань Цзиньсюэ и её сестра, решил попробовать.

Он использовал все свои манеры, чтобы не выплюнуть еду.

Тань Цзиньсюэ, сидевшая рядом, спокойно взглянула на него. Она видела, что ему трудно жевать, но ничего не сказала, просто налила ему тарелку горячего супа.

Цзун Цзы опешил, глядя на суп с капустой и кусочками тофу, а затем увидел, как Тань Цзиньсюэ разломил свою лепешку и размочила её в супе.

Она ела быстро, но при этом удивительно грациозно.

Он тряхнул головой, отгоняя странные мысли, и последовал её примеру.

Цзян Сюхуа положила Цзун Цзы и Си Чжэну по ложке яичницы.

Си Чжэн моргнул и наконец выдавил:

— Тетя Цзян, не надо, пожалуйста, больше класть мне еду.

Цзян Сюхуа удивилась:

— Вы целый день в дороге, проголодались, зачем такая скромность? Нельзя же оставаться голодными!

И она положила Си Чжэну еще кусок тофу.

Си Чжэн смотрел на коричневый соус, стекающий с тофу, и не выдержал:

— Скажите... а у вас есть общие приборы?

Его родители были врачами, в доме соблюдалась идеальная гигиена, и он никогда не ел из одной тарелки с чужими людьми.

Цзян Сюхуа замерла. Она поняла — городской мальчик брезгует.

Даже когда она выставила лучшее, что у них было, даже когда потратила последние силы на готовку, гость всё равно страдал.

Мир несправедлив.

То, что для одного — счастье, для другого — хуже горькой полыни.

Рука Цзян Сюхуа с палочками застыла в воздухе. В комнате повисла неловкая тишина.

Цзян Сюань сверлила Си Чжэна взглядом, готовая его уничтожить.

Цзун Цзы молчал, но пододвинул свою тарелку, показывая, чтобы Цзян Сюхуа положила еду ему. Он спокойно съел яичницу.

Си Чжэн кусал локти, жалея о своей бестактности.

Тань Цзиньсюэ отложила чашку.

Звук был негромким, но Си Чжэн вздрогнул.

Эта деревенская девчонка была его ровесницей, но выше на голову, а сегодня он видел, как она противостояла Цзун Цзы, поэтому боялся её.

Он был трусоват и ленив, не привык к трудностям, и именно поэтому родители отправили его на шоу.

Сначала он примкнул к Цзун Цзы, но теперь, видя мрачное лицо Тань Цзиньсюэ, он сжался, лихорадочно придумывая, как вымолить прощение.

Но Тань Цзиньсюэ просто встала, взяла чистые палочки и положила их на край тарелки.

— Пользуйтесь ими, — она положила Цзян Сюхуа немного овощей и добавила: — Мам, это городские привычки, они не брезгуют нами.

Цзян Сюхуа засомневалась, но Си Чжэн тут же подхватил:

— Да-да, Сюэ права!

Цзун Цзы едва не подавился супом.

Знал же, что этот парень — флюгер.

Тань Цзиньсюэ с усмешкой посмотрела на Си Чжэна и доела свой ужин.

Отложив чашку, она сказала Цзян Сюхуа и Цзян Сюань:

— Я пойду поговорю с режиссером Каном.

Во время ужина их снимали, а остальные члены группы ели на улице, довольствуясь деревенской едой.

Кан Боюй сидел в фургоне, укутавшись в куртку, и пил суп. Увидев Тань Цзиньсюэ, он помахал ей рукой:

— Ну как, поужинали?

Тань Цзиньсюэ кивнула, а затем услышала вопрос:

— У вас по вечерам есть какая-то работа по дому?

В глазах Тань Цзиньсюэ блеснул огонек. Она сразу поняла, к чему клонит Кан Боюй, и её губы тронула улыбка.

— У нас есть две свиньи, их надо покормить вечером.

Глаза Кана загорелись. Он похлопал Тань Цзиньсюэ по плечу:

— Эту работу мы поручим им двоим, — он постарался не слишком злорадно улыбаться.

Тань Цзиньсюэ кивнула:

— Поели? Если да, то пора за работу, идемте.

Еда была не изысканной, много они не съели. Тань Цзиньсюэ увидела, что они закончили, и позвала их.

Си Чжэн удивленно моргнул:

— Вечером тоже нужно работать?

Цзун Цзы сидел с каменным лицом:

— Я протестую!

Его холодный вид был точь-в-точь как у того самого директора из прошлого мира.

Си Чжэн и так не наелся, а дома никогда не работал, поэтому перспектива вечернего труда его ужасала.

Что касается Цзун Цзы, то его отправили на шоу из-за недовольства отца. Он вырос в неполной семье, отец был вечно занят на службе и не знал, что у сына повышенная чувствительность к боли, считая его просто избалованным и лишенным мужества.

Так Цзун Цзы и вырос — язвительным, изнеженным, презирающим и учебу, и труд.

<http://bllate.org/book/19094/1875268>